

Вячеслав Огненный

ПОЧЕМУ Я НЕНАВИЖУ СВОЮ ТЁЩУ?

Вячеслав Огненный

Почему я ненавижу свою тёщу?

«Автор»

2026

Огненный В.

Почему я ненавижу свою тещу? / В. Огненный — «Автор», 2026

Кажется, теща появилась на свет с одной целью — давать советы, переставлять вещи, звонить в самый неподходящий момент и искренне считать, что без неё семья не справится. По крайней мере, так думает Вячеслав, который долгие годы был уверен: источник всех его бытовых бед — Галина Михайловна. Но действительно ли проблема в теще? Или в том, как мы воспринимаем заботу, чужие привычки и попытки помочь? «Почему я ненавижу свою тещу?» — это ироничная, тёплая и местами очень смешная история о семейной жизни, конфликтах поколений и том, как раздражение иногда мешает увидеть самое важное. Через череду забавных ситуаций, неловких разговоров и неожиданных открытий герой постепенно понимает: идеальных родственников не существует, а настоящая семья — это не отсутствие разногласий, а умение оставаться рядом, несмотря на них.

Содержание

ОТ АВТОРА	5
ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2 ВЕЛИКАЯ БИТВА ЗА БОРЩ	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Вячеслав Огненный

Почему я ненавижу свою тещу?

ОТ АВТОРА

Прежде чем вы начнёте читать эту книгу, хочу сразу сказать кое-что важное.

Я люблю свою тещу.

Нет, подождите. Не закрывайте. Я не сошёл с ума и не пишу это под давлением — хотя последнее, признаю, звучало бы как хорошая завязка для детектива. Просто я понял это не сразу. Примерно через восемь лет совместного семейного существования, три ремонта, четыре новогодних праздника, бесконечные борщи, мнения о моей карьере, советы насчёт плитки и телефонные звонки такой продолжительности, что за это время можно долететь до Токио и ещё немного погулять по набережной.

Книга, которую вы держите в руках — честный рассказ о том, как я несколько лет искал виноватого в своих семейных неурядицах и в итоге обнаружил его в самом неожиданном месте. А именно — в зеркале ванной комнаты, утром перед работой, когда случайно встретился с собственным взглядом.

Все имена изменены. Все ситуации — правда. Все выводы — мои собственные.

Если они кажутся вам знакомыми — добро пожаловать в клуб.

ГЛАВА 1

Есть такой момент в жизни каждого женатого мужчины — тихий, совершенно непафосный, без музыки и замедленной съёмки, — когда он вдруг понимает, что принял решение, последствия которого будут длиться очень, очень долго. Не само решение жениться — с этим я как раз был согласен и, положив руку на сердце, согласен до сих пор. Я имею в виду другое. Косвенное. То, о чём никто не предупреждает на свадьбе, хотя должны бы — отдельным пунктом в брачном договоре, где-нибудь между «совместно нажитым имуществом» и «правом на алименты».

Это решение называется «её родители живут в двадцати минутах езды».

Двадцать минут — это не далеко. Это не так далеко, чтобы визит требовал планирования. Это не так близко, чтобы они жили в соседней квартире. Двадцать минут — это идеальное расстояние для незапланированного появления, которое трудно оспорить. «Мы просто мимо проезжали» — фраза, теряющая смысл только на расстоянии более пятидесяти километров. Двадцать минут эту фразу вполне поддерживают.

Мою тещу зовут Галина Михайловна. Ей шестьдесят два года. У неё крашенные волосы цвета «каштан с претензией на рыжий», мягкие руки, натруженные десятилетиями готовки, пять сортов варенья в холодильнике одновременно — вишнёвое, смородиновое, абрикосовое, яблочное и какое-то экспериментальное из крыжовника с лимоном — и абсолютная убеждённость в том, что она всегда права. Не агрессивная убеждённость, не злобая — спокойная, как уверенность хирурга перед операцией. Она не повышает голос. Она не настаивает в лоб. Она просто знает, и это знание излучается ровно и без перебоев.

Мою жену зовут Наташа. Ей тридцать четыре, она работает в проектном управлении, умеет параллельно делать три вещи и при этом не терять нить ни одной. Она дочь Галины Михайловны, что иногда очень заметно — в интонации, в том, как она расставляет тарелки на столе, в привычке звонить маме после любого важного события, иногда прямо во время него, — а иногда совсем не заметно, и я за восемь лет так и не научился предсказывать, когда именно.

Меня зовут Вячеслав. тридцать семь лет, в меру организованный, в меру педантичный и, как выяснилось довольно скоро, совершенно не готовый к тому, что произошло в один октябрьский вечер.

Мы поженились в июне. К октябрю уже обустроили квартиру, купили диван, за который долго спорили — я хотел серый, Наташа хотела синий, взяли серо-синий, что по-моему всё равно ближе к серому, — и в целом чувствовали себя достаточно уверенно, чтобы пригласить её родителей на ужин. Не впервые: мы виделись на свадьбе, несколько раз до неё, пару раз после. Но именно в тот раз что-то пошло иначе.

Галина Михайловна позвонила в дверь ровно в семь, как и договорились. Это было приятно — я ценю пунктуальность, сам всегда прихожу вовремя. В руках она держала большую сумку, из которой торчали три батона, что-то завернутое в фольгу и ручка зонтика, который ей явно было некуда деть.

— Я тут принесла, — сказала она вместо приветствия, проходя мимо меня в прихожую.

— Здравствуйте, Галина Михайловна, — ответил я.

— Здравствуй, здравствуй. — Она уже разматывала фольгу на кухне. — Котлеты сделала. У вас же наверняка ничего нет нормального.

Я посмотрел на плиту, где с трёх часов томила курица с овощами в горшочке. Запах в квартире стоял хороший — это я знал точно, потому что специально открыл духовку за полчаса, чтобы немного вышел.

— У нас есть курица, — сообщил я.

— Курица — это не еда, — ответила Галина Михайловна тоном, каким произносят медицинский диагноз. — Слава, принеси мне сковородку. Ту, большую.

Вот тут и случилось оно. Не скандал. Не конфликт — ничего драматичного. Просто маленький сдвиг в основании мира, который я не мог бы тогда объяснить, но отчётливо почувствовал.

Я стоял в собственной кухне, в квартире, за которую платил ипотеку, рядом с горшочком, который сам поставил на плиту в три часа дня, и тянулся к шкафу за сковородкой, которую попросила взять женщина, чьи котлеты никто не заказывал.

И я взял сковородку.

Именно этот момент я потом назову точкой невозврата. Не потому что котлеты были плохие — котлеты, если честно, были отличные, сочные, с румяной корочкой. Но что-то изменилось в конфигурации пространства, и я это почувствовал — как чувствуешь сквозняк раньше, чем замечаешь открытое окно.

За ужином нас было четверо: я, Наташа, Галина Михайловна и тесть Владимир Семёнович — высокий, немногословный, с большими руками и привычкой говорить то, что думает, коротко и без предисловий. Мы уже доедали, когда Галина Михайловна огляделась и сказала:

— Шторы надо бы поменять. Слишком тёмные, давят.

Наташа посмотрела на шторы — тёмно-зелёные, плотные, мы выбирали их вместе в «Икее» и оба решили, что это именно то, что надо. Я посмотрел на Наташу.

— Мам, мы сами выбирали, — сказала Наташа.

— Я понимаю, что сами. Просто говорю.

Владимир Семёнович наклонился ко мне и сказал вполголоса, но вполне отчётливо:

— Не обращай внимания, она всегда так.

Это тоже был диагноз — только другого рода. «Она всегда так» — четыре слова, в которых содержалась вся история отношений внутри чужой семьи, спрессованная до минимального объёма. Он говорил это без усталости и без раздражения. Как говорят о погоде: она всегда так, это её природа, просто живи с этим.

После ужина Галина Михайловна вымыла посуду — я не успел ничего сказать, она встала и просто вымыла, — переставила несколько тарелок в сушилке «чтобы правильно стекали», упаковала остатки котлет в ту же фольгу и оставила на столе. В половине десятого они уехали.

— Хорошо посидели, — сказала Наташа, закрыв за ними дверь.

— Да, — ответил я. — Хорошо.

Я пошёл переставить тарелки обратно. Наташа сделала вид, что не заметила.

В ту ночь я долго лежал и думал: ничего страшного не произошло. Никто ни с кем не поссорился. Котлеты были вкусные. Тёща приехала, помогла, уехала. Всё нормально.

Но я уже понимал — не умом, а каким-то более глубоким и менее образованным органом — что это было только начало.

Шторы мы меняли через три недели. Наташа сказала, что и сама давно хотела. Я промолчал, потому что поспорить было не с чем, а новые шторы — светлые, бежевые — и правда оказались лучше. В комнате стало немного приятнее.

Этого я Галине Михайловне никогда не скажу. Это принципиально.

Принцип у меня такой: признавать очевидное только наедине с собой, чтобы сохранить хотя бы иллюзию собственной правоты. Психологи, наверное, назвали бы это как-то умно и длинно. Я называю это стратегией выживания.

Первый год был в целом ничего. Галина Михайловна приезжала раза два в месяц — иногда с едой, иногда с советами, иногда со своей специальной тряпкой для пыли («правильная, не размазывает, а собирает»). Я пытался воспринимать это философски. Наташа воспринимала это как норму, потому что для неё это и была норма: она выросла в этой системе и поэтому не замечала её так, как замечал я, человек, попавший в неё в тридцать один год.

— Ты просто не привык, — говорила Наташа.

— Привыкну, — отвечал я.

Привык. Примерно к шестому году — с некоторыми оговорками.

Но это уже другие истории.

Та первая осень запомнилась мне ещё одним эпизодом. В ноябре Галина Михайловна приехала и сказала, что у нас неправильно стоит холодильник.

— Как — неправильно? — спросил я.

— Дверь открывается не в ту сторону. Неудобно же.

Я открыл холодильник. Он открывался туда, куда я хотел, чтобы он открывался. Мне было удобно.

— Мне удобно, — сказал я.

— Тебе — может быть. А Наташе? Она же у плиты стоит. Ей неудобно.

Я посмотрел на Наташу.

— Мне нормально, — сказала Наташа. Потом добавила, чуть подумав: — Хотя иногда задеваю дверцей.

Я посмотрел на холодильник. Потом на тещу. Потом снова на холодильник.

— Это стационарная модель. Дверь не перевешивается.

— Тогда надо было другой покупать, — заключила Галина Михайловна и пошла ставить чайник.

Это была не победа и не поражение. Это было что-то третье — ситуация, в которой никто не выиграл, но я почему-то чувствовал себя проигравшим.

Именно тогда я понял: спокойная жизнь закончилась. Не потому что стало плохо. Просто жизнь стала другой. Более населённой. Более комментируемой.

И холодильник у меня открывается в ту же сторону, что и всегда. Я каждый раз беру оттуда что-нибудь и думаю: вот, всё нормально, дверца не мешает. И немного злюсь — не на тещу, а на то, что она была немного права.

Это, как я потом выяснил, будет самым неприятным открытием этих восьми лет.

ГЛАВА 2 ВЕЛИКАЯ БИТВА ЗА БОРЩ

Я умею готовить борщ. Это не хвастовство — это факт, который могут подтвердить как минимум четыре человека. Наташа, её коллега Оля, которая однажды пришла к нам на ужин и попросила рецепт, сосед с третьего этажа, которому я дал попробовать через открытую дверь, потому что запах был слишком убедительным, и тесть Владимир Семёнович — правда, он в тот день уехал на рыбалку, что само по себе красноречиво.

Рецепт у меня простой: говядина на кости, свёкла запечённая — не варёная, это принципиально, — капуста в самом конце, помидоры в собственном соку, чеснок в конце, варить долго, есть на следующий день. Всё. Без лишних движений.

Галина Михайловна узнала, что я варю борщ, в субботу в час дня — позвонила Наташе просто так, Наташа упомянула. Через сорок минут теща была у нас.

— Я просто посмотреть, — сказала она, снимая пальто в прихожей.

Борщ был в финальной стадии. Капуста добавлена, огонь убавлен, запах на весь коридор — хороший, глубокий, правильный.

— Ты свёклу варил? — спросила она, заходя на кухню.

— Запекал.

Пауза. Небольшая, но ощутимая.

— Зачем?

— Так вкуснее, — сказал я.

Она подошла, заглянула в кастрюлю без приглашения — с тем спокойным видом, с каким врач слушает лёгкие через стетоскоп: это не бестактность, это рабочий процесс. Понюхала.

— Цвет бледный, — констатировала.

— Нормальный цвет.

— Борщ должен быть тёмно-красный.

— Будет, когда настоится. Я варю на завтра.

— На завтра? — Это «на завтра» прозвучало примерно как «в следующей жизни» или «когда рак свистнет».

— Борщ лучше на второй день, — объяснил я. — Все так говорят.

— Я знаю, что лучше на второй день. Сегодня вы что есть будете?

— Вчерашние макароны.

Она посмотрела на меня. Я смотрел на кастрюлю. Кастрюля ни на кого не смотрела.

— Принесла бы котлеты, — сказала она — не мне, не ей, а куда-то в пространство над плитой.

— Галина Михайловна, — сказал я ровно, — у меня всё под контролем.

— Я вижу, — ответила она тем особым тоном, с которым «я вижу» означает нечто среднее между «я вижу» и «это именно то, о чём я говорю».

Наташа в этот момент находилась в комнате и занималась чем-то, природу чего я никогда не выяснял: она обладает редким даром физически присутствовать там, где её не будет в самый напряжённый момент.

— Наташ! — позвал я.

— Что?

— Иди сюда.

— Зачем?

Хороший вопрос. «Чтобы ты была буфером между мной и твоей мамой» — честно, но непрактично.

— Просто так.

Наташа пришла, оценила диспозицию — мама у плиты, я у плиты, борщ между нами — и немедленно встала на сторону мира.

— Мам, он хорошо готовит, — сказала она.

— Я не говорю, что плохо. Цвет бледный.

— Цвет нормальный.

— В борщ надо добавлять уксус, тогда свёкла держит цвет.

— Я не добавляю уксус, — сказал я.

— Почему?

— Не нравится привкус.

— Ты его не почувствуешь, он улетучивается.

— Тогда зачем добавлять, если улетучивается?

Она посмотрела на меня с выражением человека, которому задали вопрос, ответ на который настолько очевиден, что объяснять его — само по себе задача.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.